

Российские дети боярские на службе в Сибири в XVII в. (по материалам челобитных)

Евгений Вершинин, *Георгий Визгалов*

**Russian boyar scions in service in Siberia in the 17th century
(based on petition materials)**

Evgeniy Vershinin (*Institute of Archeology of the North,
Nefteyugansk, Russia*),
Georgiy Vizgalov (Surgut State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017393-3

В специальной литературе на конкретно-историческом материале убедительно доказано гетерогенное (социальное и этническое) происхождение сибирского казачества, которое в первый век русской колонизации Сибири предстаёт как совокупность отдельных гарнизонов возникавших городов (центров уездов)¹. Военно-служилая верхушка этих гарнизонов Сибири (своего рода сибирская «служилая аристократия») в той же мере, что и рядовой контингент, продемонстрировала свою разнородность. При назначении на командные должности военно-служилым населением Сибири действовали две тенденции — назначение кандидатур центральным правительством (казачьи и стрелецкие головы гарнизонов, иногда приказчики крупных острогов) и принцип, идущий от традиций казачьего самоуправления (выборность атаманов казачьим «войском» города, которая, как правило, подтверждалась центральной властью). В состав служилой верхушки сибирского города входили и дети боярские, которые по-разному достигали этого чина-звания.

Городовые дети боярские ко времени начала русской колонизации Сибири уже составляли низший слой формирующегося дворянского сословия на основной территории России. Дети боярские, хотя часто беспоместные, имели право (как служилые люди «по отечеству») на получение поместья. Время Смуты (1604—1618) особенно способствовало пополнению прослойки детей боярских выходцами из податных слоев общества. В Сибири верстание в дети боярские представителей верхушки местного казачества (атаманов, пятидесятников и их родственников, находившихся на государственной службе) являлось обычной практикой. Дети боярские в составе сибирских гарнизонов обычно назначались на командные должности или выполняли ответственные поручения воеводской власти. Выполняя фактически одинаковые обязанности с верхушкой служилых людей «по прибору», они сливались в одну группу «начальных людей» военно-служилого населения². Другое дело — трудноуловимое для историка самосознание потомственного сына боярского из центральной России, при-

© 2021 г. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов

¹ Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 4—16; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75—107.

² Каменецкий И.П. Атаманы Сибири в XVII в. (к социальному портрету сибирских военачальников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4(28). С. 151—162; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 37—42; Солодкин Я.Г. Атаманы и дети боярские Берёзова середины 1590-х — 1620-х годов // Вестник «Альянс-архео». 2017. Вып. 21. С. 3—12.

бывшего в Сибирь на время, и сына боярского, достигшего этого чина своей и родительской службой на месте, в Сибири. Говорить просто о «сибирских детях боярских», не учитывая их происхождения, не совсем корректно.

В фонде Сибирского приказа РГАДА (ф. 214) в разрозненном виде сохранилось немало челобитных сибирских служилых людей первого столетия русской колонизации, написанных с целью повышения чиновного статуса или улучшения материального положения. Среди них есть челобитные и детей боярских — как «природных», потомственных, так и выбившихся в этот чин из служилых людей «по прибору»³. Будучи документами личного происхождения, они отчасти заменяют отсутствовавший в XVII в. жанр автобиографической мемуаристики. Зачастую они являются единственным подробным источником сведений о людях, чьи имена связаны с теми или иными историческими событиями, но чьё происхождение, возраст, предшествующая карьера остались неизвестны историкам. Челобитные могут содержать и уникальную информацию о событийной канве освоения Сибири, которая не сохранилась в документах иного характера⁴.

К 1669 г. относится челобитная тобольского сына боярского Андрея Силича Княжнина, человека «родословного», который хорошо знал свою генеалогическую легенду. Его предок Лев при великом князе Василии Дмитриевиче «вышел из немец». От Льва и пошла череда предков Княжнина: у Льва был сын Гаврило, «а из Гаврила уродилися два сына — Елизарий и Дмитрей. А из Елизарья уродилися два сына — Федор Беклемишов да Афанасий Княжнин». Эти сведения челобитной Княжнина совпадают со сведениями Государева родословца 1555 г.⁵ При Иване Васильевиче Грозном и царе Фёдоре Ивановиче дед Андрея, Матвей Акакиев сын Княжнин, «по Пскове служил многое время». При царе Борисе Фёдоровиче, писал челобитчик, «отец мой Сила Матфеев Княжнин служил многое время по Пустой Ржеве, а иные родители мои служили великим государем по Москве»⁶. Далее в экскурсе Андрея Княжнина в семейную генеалогию следует значительный пробел, охватывающий 1605—1629 г. — ничего не говорится о службе его и отца в годы Смуты. Можно предположить, что Андрею Княжнину нечем было похвастать перед династией Романовых. Сам же он около 1629 г. начал служить сыном боярским по Тобольску и пребывал в этом чине следующие 40 лет.

Нам ничего неизвестно об обстоятельствах, забросивших Княжнина, сына боярского, с северо-запада России, на долгую службу в Сибирь. Его военная служба была связана с обороной южного пограничья Западной Сибири от кочевников — калмыков и киргизов. При тобольском воеводе кн. А.Н. Трубецком (1628—1631) Княжнина послали на Тару под началом головы Назария Жидовского. Он участвовал в походе на «государевых изменников» (видимо, отложившихся от русского подданства татар) во главе с Ябалаком и его братом Авбеляком. Ябалака Княжнин взял в плен «своими руками», «и тот Ябалак вам, великим государем, и з братом своим Авбеляком и со всею ордою три-

³ Пузанов В.Д. Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 34—56.

⁴ Итогом многолетнего сбора фрагментарного материала биографического характера является монография Д.Я. Резуна, пока что единственная в своем роде (*Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных.* Новосибирск, 1993).

⁵ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 134.

⁶ РГАДА, ф. 214, стб. 1560, л. 451.

ста пятьдесят луков приклонился к тебе, великому государю, ясак платят и по нынешнее время»⁷. В 1630-х гг. Княжнин неоднократно участвовал в походах против калмыков, где «бился явственно» и убил двух «мужиков». При тобольском воеводе кн. М.М. Темкине-Ростовском (1635—1639) он был послан к калмыкам по поводу возвращения ясачных людей Каурдацкой волости — «и тех погромленных людей царевич отдал». Далее Княжнин кратко отметил, что служил он и в Томске против «киргиз» и «жил многое время на многих боях». Среди «мирных» служб Княжнин перечислил сбор выдельного хлеба и прибор в ясачные люди, которые он осуществлял при посылках в волости по Иртышу и Тоболу. Видимо, трафаретно Княжнин писал: «А во всех тех службах вам, великим государем, яз, холоп, работал и радел прямою душою, лица своего не скрывал и головы своею не щадил и терпел голод, и холод, и всякую большую нужу». В 1666 г. стареющий сын боярский был переведён на службу в далёкий Илимский острог, «без твоего государева денежного и хлебного жалованья». К слову сказать, в 1666 г. Илимск сгорел; может быть, поэтому Княжнин задержался в Енисейске, не определённый с местом службы и жалованьем. Судя по всему, семьи у него не было: «А живу яз, холоп твой, в Енисейском больши трех лет, в миру скитаюся, помираю голодною смертию». Княжнин просил поверстать его в дети боярские по Енисейску и назначить окладное жалованье⁸. Реакция центрального правительства на челобитную неизвестна.

В сибирских условиях должность атамана служилых людей и чин сына боярского оказывались близки. Несмотря на то что речь в данной статье идёт о «природных» детях боярских, нельзя не отметить случаи, когда атаманство служило ступенью к получению чина сына боярского. В 1652 г. о поверстании его в дети боярские просил томский конный казак Фёдор Олпатов. Основанием были «службы» его отца, Леонтия, и самого Фёдора. Леонтий Олпатов находился в свое время в числе тех, кто «ставил» Сургут и служил затем в составе сургутского гарнизона. В 1604 г. Леонтий был пожалован атаманством и послан далее на восток. Он участвовал в строительстве Томска, в составе гарнизона которого и остался⁹. Томские «службы» Леонтия связаны в основном с военными походами в степь против калмыков и киргизов и с дипломатическими миссиями к ним же. Его сын Фёдор в челобитной специально отметил, что 12 марта 1620 г. Леонтия во главе отряда из 38 служилых людей послали «в Кузнецкую землю на усть Кондомы реки», где он «острог поставил и башни сделал со всякими крепостми». Основанный в 1618 г. Кузнецкий острог летом 1620 г. был перенесён на правый берег р. Томи (ниже устья р. Кондомы); возможно, сообщение Фёдора Олпатова связано с возведением нового Кузнецкого острога. В марте 1652 г. томским воеводам Нащокину и Болтину указали поверстать челобитчика в дети боярские «за службы отца» и его самого окладом в 12 руб., хлебного жалованья по 10 четей ржи и овса и 3 пуда соли в год¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 447.

⁹ При отсутствии атаманских мест в штате местного гарнизона воеводы западносибирских городов вынуждены были поступать подобным образом. В 1629 г. в Тобольске в атаманы «за отцову службу» поверстали бывшего берёзовского казака Ивана Галкина, которого сразу отправили в Енисейск. Со временем он стал известным землепроходцем Восточной Сибири (*Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 294*).

¹⁰ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 12.

Странное впечатление производит челобитная «Сургутского городу атамана» Кузьмы Васильевича Горбунова (рассматривалась в Сибирском приказе 28 ноября 1640 г.), который заявил, что его отец служил «в Сибири с Ермаком с тех мест, как Бог поручил Сибирь под твою государеву руку»¹¹. В.А. Александров и Н.Н. Покровский отмечали: «Сибирские служилые люди, добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, часто ссылались на службу «с Ермаком»... Челобитня о поверстании в службу подросших детей даже при их далёком родстве с участниками событий конца XVI в. не встречали возражений Сибирского приказа»¹². Возможно, Горбунов ложно воспользовался огромным авторитетом Ермака и участников «Сибирского взятия». Рядом с утверждением о службе отца (не названного по имени) в отряде Ермака Горбунов заявлял, что «родители отца моего служили тебе, государю, по Суздалю — Хметевские». В XVI в. в рядах мелкого дворянства Хметевские действительно были: погибший при взятии Казани «дмитровец» Иван Тимофеевич и московский жилец (по боярскому списку 1588/89 г.) Тимофей Иванович¹³. Однако принадлежность Горбунова к дворянскому роду Хметевских вызывает сомнения. Видимо, пытаясь «улучшить» свою служилую родословную, он, тарский конный казак, привёл сразу два малосовместимых аргумента: службу отца в отряде «вольных» казаков Ермака и принадлежность его «родителей» к служилым людям «по отечеству». Почему в «родственники» были выбраны Хметевские, известно только самому Кузьме Горбунову.

В челобитной Горбунов не очень умно пытался принизить «службы» старейшего сургутского атамана Тугарина Фёдорова: «Был, государь, в Сургутском городе отоман Тугарин Федоров, и он лежал в розслабленье 25 лет, и я за него служил всякие твои государевы... зимние, и летние, и струговые, и все службы, обнищал и задолжал великим долгом, вконец погиб. И того, государь, Тугарина не стало, преставился»¹⁴. Челобитная знаменитого атамана (ноябрь 1626 г.) с изложением его «служб», просьбами об отставке и поверстании в казачью службу его 20-летнего сына Петра опубликована¹⁵. Именно из неё известны основные вехи служилой биографии Фёдорова, начало которой относится к 1591 г.: участие в постройке Пелыма и Сургута, служба первым приказным человеком в новооснованных Нарымском и Кетском острогах, походы против неясачных «иноземцев» на Енисей и Томь, участие в военных событиях Смуты в центральной России, в которых он «бился явственно и многжды был ранен». Мотивируя просьбу об отставке, Тугарин Фёдоров заявил: «И ныне я... ото многих служб от ран увечен и твоей царской службы служить не смогу». Сургутский воевода Н.Е. Пушкин отослал челобитную атамана в Москву; к сожалению, реакция центральной власти на неё нам неизвестна.

В конце 1630-х гг., как следует из челобитной Кузьмы Горбунова, Тугарин Фёдоров умер. Сам Горбунов был переведён с Тары в Сургут в 1633/34 г. на «выбылое место» атамана Б.С. Зубакина. Лежал в последние годы жизни «в розслабленье» атаман Фёдоров или нет, но Горбунов не мог выполнять за него

¹¹ Там же, стб. 88, л. 267.

¹² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 80.

¹³ Памятники истории русского служилого сословия. С. 182, 200; Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI — XVII веков. М., 2004. С. 209.

¹⁴ РГАДА, ф. 214, стб. 88, л. 268.

¹⁵ Там же, стб. 8, л. 133—137; см. также: Вершинин Е.В., Шапков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. I. Екатеринбург, 2002. С. 172—173.

«всякие службы» в течение 25 лет. Оказавшись в 1640 г. в Москве, последний лично подал челобитную в Сибирский приказ, где просил о пожаловании ему окладного денежного и хлебного жалования умершего Т. Фёдорова (оно было намного больше, чем у покойного же атамана Зубакина). Эту просьбу приказ удовлетворил¹⁶. В дальнейшем мы не находим в служилой среде Сургута потомков первых атаманов — Фёдорова, Зубакина и Горбунова.

В ноябре 1649 г. подал челобитную о прибавке к денежному и хлебному окладам енисейский сын боярский Дмитрий Фирсов. Его отец, енисейский казачий и стрелецкий голова Поздей Фирсов, историкам прежде всего известен фактом своей смерти: осенью 1625 г. он, возвращаясь через Тобольск в Енисейск, утонул в Оби¹⁷. В челобитной Дмитрий приводит сведения из служилой биографии Поздея Фирсова: «До Московского разоренья служил много лет, а в Московское сиденье в осаде сидел и ранен, замерло в нем 12 пуль»¹⁸. Именно за это Поздей получил должность казачьего и стрелецкого головы в первые годы существования Енисейска. На место утонувшего Поздея быстро нашлись претенденты: потомственный сын боярский из центральной России Пётр Бекетов и выдвинутый казачьим «войском» Енисейска местный подьячий Максим Перфильев. В приказе предпочтение отдали Бекетову, назначив его стрелецким и казачьим сотником в Енисейск. Эта должность была идентична должности казачьего и стрелецкого головы, поскольку в 1628 г. в енисейском гарнизоне числились всего 105 стрельцов. Поздей Фирсов был, скорее всего, выходцем из «вольных казаков» и поступил на государеву службу, имея уже воинский чин атамана. Его сын стал енисейским сыном боярским. Дмитрий Фирсов остался в памяти потомков прежде всего как основатель Балаганского острога (на левом берегу Ангары, ныне скрыт водами Братского водохранилища), который привёл в подданство Московского государства окрестных «балаганских братских людей». По заданию енисейского воеводы А.Ф. Пашкова Дмитрий Фирсов построил Балаганский острог в мае—июне 1654 г.¹⁹

П.И. Бекетов, ставший известным землепроходцем Восточной Сибири²⁰, всю свою жизнь связал со службой в енисейском гарнизоне. В XVI—XVII вв. Бекетовы принадлежали, очевидно, к провинциальным детям боярским, на что указывает в челобитной 1641 г. сам Пётр Иванович: «А родители, государь, мои служат тебе... по Твери и по Арзамасу, по дворовому и по выбору»²¹. В знаменитой Бархатной книге конца XVII в. Бекетовы по каким-то причинам не зафиксированы, но фрагментарные сведения о представителях этого рода в разных источниках обнаруживаются. В нескольких актах за 1510—1541 гг. отмечены дмитровский землевладелец Константин Васильевич Бекетов и его сын

¹⁶ Вершинин Е.В. Русская колонизация... С. 309.

¹⁷ Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 37.

¹⁸ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 175.

¹⁹ Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Вып. 1. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С. 200.

²⁰ П.И. Бекетов считается основателем от пяти до восьми острогов в Восточной Сибири; уже в XXI в. в Чите и Якутске появились памятники Бекетову как основателю Ингодинского острожка и Якутского острога.

²¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов / Сост. Н.С. Орлова. М., 1951. С. 95.

Андрей²². В 1643 г. в Москве не смогли допросить стрелецкого сотника Алексея Бекетова по поводу ссоры на Красном крыльце в Кремле жильцов Чириковых и Измайловых, потому что Бекетов «съехал» в свою деревню²³. В архиве переславского Успенского Горичского монастыря среди прочих актов находилась «купчая Родиона Иванова сына Бекетова на дворовое место в городе Переславле» (от 12 июля 1660 г.)²⁴. Сохранилась жалованная грамота от 30 августа 1669 г. (в копии) «тверитину» Богдану Бекетову: «за многую службу» во время войны с Польшей часть поместных земель Богдана была пожалована ему в вотчину²⁵. Принадлежность рода Бекетовых к слою провинциального дворянства не подлежит сомнению.

Вакантное место стрелецкого и казацкого головы в Енисейске (после смерти Поздея Фирсова) занял «сынчишко боярский» Пётр Бекетов. На вопросы, когда и по какому городу он начал службу, определённых ответов нет. В более поздних челобитных (1651) сам Бекетов указывал на начало своей «службы» с 1626/27 г. в Енисейске²⁶. В первой челобитной, добиваясь должности стрелецкого сотника в Енисейском остроге, он стандартно писал: «Чтоб я, холоп твой, волочась меж двор, голодную смертью не умер». Похоже, что Бекетов, будучи «природным» сыном боярским, не был ещё «верстан» в какую-либо определённую службу. Его просьба о назначении относится к концу осени 1626 г. 13 декабря 1626 г. в Москве состоялся указ о военной экспедиции А.А. Дубенского, которой предстояло основать Красноярск. Среди прочего Дубенскому указали взять по пути в Енисейске у сотника Бекетова долото, напарью (большое сверло) и скобель для плотничьих поделок. Следовательно, в приказе Казанского дворца назначение Петра Ивановича считалось уже вопросом решённым. 12 января 1627 г. последовал указ об отпуске Бекетова «на Поздеево место Фирсова и велеть его в Тобольску поверстать, кому он службою и отечеством в версту». Указ был продублирован в грамоте тобольским воеводам кн. А.А. Хованскому и И.В. Волынскому²⁷. Бекетов стал стрелецким сотником в Енисейске, и в качестве такового несколько лет возглавлял походы енисейских служилых людей по Ангаре и Лене в земли «немирных» тогда ещё бурятов и якутов²⁸. В 1632 г. головой у енисейских служилых людей (гарнизон Енисейска в то время достиг 300 человек) стал Богдан Болкошин²⁹. Бекетов, связавший жизнь с Сибирью, стал в этом гарнизоне просто сыном боярским с денежным окладом 10 руб., хлебным 6 четей ржи и 4 чети овса. В XVI в. Болкошины, видимо, относились к провинциальному дворянству: в походе в феврале 1550 г. под Казанью был

²² Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII вв. / Изд. подгот. Т.Н. Алексинская. М., 1998. С. 119—120, 448.

²³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 272.

²⁴ Антонов А.В. Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 535.

²⁵ РГАДА, ф. 199, оп. 3, № 150, ч. 9, д. 1, л. 1—10.

²⁶ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 175, 177.

²⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 19; РГАДА, ф. 214, стб. 12, л. 92—93.

²⁸ Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов. С. 37—39.

²⁹ Ещё в 1631 г. Б. Болкошин был головой у служилых татар Томска (*Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 108).

убит Данил Васильевич Болкошин. В Боярском списке 1588/89 г. зафиксирован ржевский выборный дворянин Михей Левонтьевич Болкошин³⁰.

В декабре 1640 г. Бекетов оказался в Москве с отписками воеводы Н.Л. Веревкина и, пользуясь случаем, подал челобитную с изложением своих «служб» и просьбой о назначении его казачьим и стрелецким головой в Енисейске на место Б. Болкошина. По поводу последнего Бекетов писал: «А тот Богдан Болкошин стар и увечен, такой твоей государевой дальней службы служить не может». Сибирский приказ вынес по челобитной положительное решение: 13 февраля 1641 г. Бекетову выдали память о должностных обязанностях стрелецкого и казачьего головы. Денежный оклад ему назначили, как и Болкошину, 20 руб., а за хлебное жалованье он должен был служить «с пашни». Пётр Иванович не стал подавать в Сибирский приказ челобитной о разрешении провоза «с Руси» к месту службы всякого рода «запасов». Это и понятно: он давно уже осел в Енисейске и имел, разумеется, своё хозяйство. Известно, что в Енисейске у Бекетова были жена, дети и «людишки» (холопы). К 1637 г. он имел 18 десятин пашни и 18 десятин перелога. В 1641 г. землепроходец жаловался, что пока он был в отъезде, воеводы брали из его двора для выполнения подводной повинности лошадей, которые гибли на Илимском волоке, и просил избавить себя от «волоковой возки». До нас дошло описание этого двора (1640-е гг.): горница на подклете и сени с подклетью и крыльцом, повалуша «о трех житьях», на заднем дворе — изба «на замостье», сени и клеть. На дворе же находились «сушило» и баня³¹.

В июле 1647 г. казачий голова П.И. Бекетов получил из Москвы грамоту с необычным распоряжением. Ему указали на три дня посадить в тюрьму енисейского воеводу Ф.Ф. Уварова, писавшего отписки томским воеводам «непристойною речью». Бекетов выполнил указание, о чём доложил в Москву: 8 июля он поместил Уварова в тюрьму, а 11-го освободил³². Думается, что казачий голова получил это указание именно по причине принадлежности к служилым людям «по отечеству». В то время он, видимо, ещё не знал о своей отставке: 6 апреля 1647 г. место казачьего и стрелецкого головы в Енисейске получил Ларион Андреевич Одинцов. Одинцову было известно, что Бекетов «живет в Енисейском остроге в головах 6 лет» и что его оклад как сына боярского до сих пор «порозжий». Сам Ларион Андреевич служил царям Михаилу Фёдоровичу и Алексею Михайловичу «на государевой конюшне» 28 лет, пока не получил приписку по службе к Владимиру, не имея при этом никакого поместного жалованья. Он получил разрешение на провоз с собой в Енисейск продуктовых и иных запасов (на два года): 100 вёдер вина, 10 — масла конопляного, 10 — уксуса; 30 пудов мёда, 4 — воска, 15 — коровьего масла, 10 — сала; 40 полостей свиного мяса; 10 четей муки ржаной, 5 — пшеничной; по 5 четей круп гречневой, овсяной и ячневой, толокна и сухарей, а также сукна, кожи и обувь. Одинцова сопровождали холопы: «5 человек с женами и детьми»³³. О ратных подвигах Одинцова как казачьего головы Енисейска ничего не известно.

³⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 179; *Станиславский А.Л.* Труды по истории... М., 2004. С. 225, 344.

³¹ Открытия русских землепроходцев... С. 95; *Барахович П.Н.* Енисейск в XVII—XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019. С. 51; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 87. М., 1964. С. 165.

³² РГАДА, ф. 214, стб. 289, л. 54.

³³ Там же, стб. 339, л. 320—347.

Бекетов же не смирился с ухудшением своего материального положения. 1 января 1651 г. он объявился в Москве в Сибирском приказе с отписками воеводы Ф.И. Полибина и, видимо, тогда же подал две собственные челобитные. В первой землепроходец перечислил свои службы в Енисейском остроге с 1627 по 1650 г.: «А в те годы я, холоп твой, по многим рекам и по многим землицам разным по Тунгуске реке и на Рыбной, и на усть Оки реки, и на Илимском волоку, и верх Лены реки, и на низу реки Лены в Якутах острошки и зимовья поставил многие... многих разных землиц князей и их улусных людей под твою царскую высокую руку привел, тунгуских, и брацких, и якуцких»³⁴. С явной обидой Пётр Иванович писал: «Да я ж... в Енисейском остроге был у служилых людей головством, а ныне я, холоп твой, головства отставлен без вины, неведомо почему» и просил велеть ему быть «по-прежнему головством за мое службишко». Предваряя отрицательный ответ на свою просьбу, Бекетов подал вторую челобитную, в которой просил повысить свой оклад как енисейского сына боярского (после отставки он снова составил 10 руб., «а хлебнова и соляного ничего не указано»). Вторая челобитная имела успех. Ему назначили годовой оклад 20 руб. и 5 пудов соли; воеводе А.Ф. Пашкову указали отправить его приказчиком в Братский острог³⁵. В июне 1652 г. отряд енисейских служилых людей во главе с сыном боярским Бекетовым отправился в Забайкалье. В конце концов Бекетов оказался на Амуре в сборном «войске» приказного человека Онуфрия Степанова. В марте 1655 г. он участвовал в обороне Кумарского острога от маньчжурских войск — «бился явственно». Апрелем 1655 г. датирована последняя достоверная отписка от Петра Бекетова из-под Кумарского острога. Видимо, с Амурского острога он не вернулся³⁶.

Дети боярские, оказавшиеся на службе в Сибири в XVII в., были людьми разных судеб. К рядовым детям боярским относится Богдан Андреевич Назимов. Его «родители» служили по Новгороду и «в немецкое разоренье» многие были побиты, «а иные по городам разошлись». В 1624 г. в Тобольск назначили второго архиепископа Сибирского — Макария. Назимов «с бедности своей» оказался среди пяти архиепископских детей боярских, отправившихся вместе с Макарием в Сибирь. Однако служба архиепископу никаких выгод Назимову не дала, и в 1635 г. он попросился служить в детях боярских на Таре. Разрешение было дано, однако на Таре не оказалось «выбылых мест» детей боярских. Тогда Назимов подал другую челобитную с просьбой поверстать его на место тобольского сына боярского Ивана Бовыкина (тоже из бывших детей боярских Софийского дома), убитого в 1635 г. под Тюменью калмыками. Наконец Назимов добился желаемого: в июле 1640 г. его поверстали в тобольские дети боярские с окладом в 12 руб. и 12 четей ржи³⁷.

О сложных, хотя и обычных коллизиях своей жизни поведал красноярский конный казак «белянин» Василий Сергеевич Кольчугин. Его отец погиб в годы Смуты; сам он, служивший «з городом по Белой», был взят «в полон в Литву», где провёл 17 лет. Его мать вместе с младшим братом тоже попала в плен, где они «живот мучили» 28 лет. За «многое полонное терпение» и за верность православной вере его брата, тоже Василия, пожаловали поместьем в Галиц-

³⁴ Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. С. 176.

³⁵ Там же. С. 175—186.

³⁶ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 138; Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов. С. 41—47.

³⁷ РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 285.

ком уезде. Вскоре брат умер, и поместье пожаловали челобитчику — Василию Кольчугину. В 1642 г. «взыскалась» на Василии вина: «за корчемное продажное питье» его сослали в конную службу в Красноярск. Впрочем, сам Кольчугин уверял, что «скляницу» вина у него украл и продал его дворовый человек. Присланный в 1650 г. в Москву с соболиной казной, Кольчугин подал челобитную: «Вели меня из Сибири освободить и свою службу по-прежнему по Белой служить, чтоб мне, бедному, в Сибири вконец не погинуть». В Сибирском приказе разрешили Кольчугину соединиться с семьёй и велели ему служить в Енисейске в детях боярских с окладом 7 руб. и 5 четей ржи³⁸.

В 1636 г. в Томск сослали Василия Сергеева сына Прокофьева, которого по государеву указу воевода кн. И.И. Ромодановский поверстал в дети боярские с окладом в 10 руб., 10 четей ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли. В 1641 г. он участвовал в экспедиции под началом тарского воеводы Я.О. Тухачевского, в результате которой был основан Ачинский острог. Когда Прокофьев, посланный Тухачевским с отписками в Москву, находился в столице, в Томске воевода кн. Клубков-Мосальский поверстал на его место Ивана Молчанова сына Лаврова, а «его отставил безвинно». По словам Прокофьева, он с 1641 по 1653 г. с женой и детьми «волочился меж двор» без государева жалованья. Во время сыска о Томском восстании 1648 г. его выслали в Тобольск, где он провёл три с половиной года. В 1653 г. в Тобольск пришёл указ о высылке обратно в Томск взятых к сыску детей боярских и казаков. Имя Прокофьева находилось в списке детей боярских. Прокофьев просил зачислить его в службу с прежде назначенным окладом или давать какой-нибудь «кормец». Воевода Н.О. Нащокин утвердил прежнее жалованье челобитчика «с порукой» и послал его с отписками в Москву, чтобы там попутно подтвердили назначение Прокофьева в чин сына боярского³⁹.

В 1649 г. казанскому воеводе указали выбрать из местных детей боярских (беспоместных и с небольшими окладами) пять человек для посылки в Якутию с первыми воеводами П.П. Головиным и М.Б. Глебовым. В Якутию отправились Воин Татаринов сын Богданов, Василий Оксентьев сын Власьев, Григорий Родионов сын Демьянов, Алексей Семёнов сын Бедарев, Иван Пархачев сын Пильников⁴⁰. На подъём на три года им выдали по 40 руб. Так Г.Р. Демьянов на долгие годы оказался в Якутии под началом Головина, воеводы, прославившегося жестокостью и самодурством. Если Бедарев вошёл в число «ушников» воеводы, то Демьянов, как и многие другие, попал в немилость. Его Головин приказал бить батогами и бросить в тюрьму⁴¹. Демьянов три года провёл в тюрьме, запертый «в казенке наглухо». Покупая хлеб по дорогой цене, он «задолжал великими некупными долгами»; своё жалованье сына боярского (7 руб.) он от воеводы не получал.

После получения в Якутске царской грамоты (июль 1645 г.) из тюрем были освобождены более 100 человек. При новом воеводе В.Н. Пушкине Демьянова послали приказным человеком на Илимский волок с приказанием поставить там острог. В 1649 г. Пушкин доложил в Москву, что «поставлен Илимский острожек с башнями новой», в нём построена церковь во имя Нерукотворного образа Спаса. Илимский острог возвели в 1647 г., а его основателем

³⁸ Там же, л. 295, 301 об.

³⁹ Там же, стб. 446, л. 60—62.

⁴⁰ Там же, стб. 339, л. 404.

⁴¹ Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 241.

надо считать казанского сына боярского Г.Р. Демьянова. При Демьянове в остроге построили съезжую избу, два воеводских двора (один — для якутского воеводы, который следовал к месту назначения), казённый амбар и «иные дворы». В Илимске учредили самостоятельное воеводство. Первый воевода Илимска Т.В. Шушерин, приехавший к месту службы 2 сентября 1650 г., не нашёл в остроге никого. В 1648/49 г. там зимовал очередной якутский воевода Д.А. Францбеков, забравший с собой самого Демьянова, острожные башни с пушками, дела съезжей избы и церковные книги. В марте 1651 г. в Москву с соболиной казной из Якутска приехал Демьянов, подавший челобитную с описанием своей сибирской жизни и просьбой служить по-прежнему по Казани. В Сибирском приказе пошли навстречу Демьянову: ему указали служить в детях боярских по Казани с окладом в 14 руб. и 300 четей поместья. В Сибири он провёл 12 лет⁴².

Как доказано специальными исследованиями, на службу в Сибирь попадали представители провинциального дворянства метрополии — этнической территории России. В дети боярские могли быть повёрстаны выходцы из непривилегированного слоя служилых людей «по прибору» — казачьи атаманы, пятидесятники и их родственники. Наконец, чином сына боярского часто жаловали представителей польско-литовской шляхты — военнопленных, направленных на службу в сибирские гарнизоны. Отношение правительства к детям боярским — «иноземцам» было более покровительственным, чем к «природным» русским детям боярским. В 1649 г. денежный оклад енисейского сына боярского ссыльного «литвина» Андрея Бернадского составлял 20 руб., в то время как у заслуженного сына боярского Петра Бекетова — 10 руб. Принявший православие А.А. Барнешлев (сосланный в Сибирь англичанин Вильям Барнсли) стал енисейским сыном боярским, а затем якутским воеводой.

Как видим, в России дети боярские просились на службу в Сибирь только в случае крайней бедности, рассчитывая на получение жалованья и единовременные награждения за выдающиеся заслуги. Запрещение за Уралом частного феодального землевладения не стимулировало стремления дворян переселяться в Сибирь.

⁴² РГАДА, ф. 214, стб. 339, л. 409—410, 419.